

ВОПРОСЪ О ЖИЗНИ на Марсѣ.

(Окончаніе).

8.

Въ возрѣніяхъ и сужденіяхъ Ортолана есть общій недостатокъ, который отражается на содержаніи всей его книги и который обусловленъ его католическими убѣжденіями. Особенности католицизма издавна характеризуются терминомъ «вещественность». Католики—крайніе реалисты въ дѣлахъ вѣры. Они любятъ ощущивать и, такъ сказать, матеріализовать самыя духовныя предметы и вопросы. Второе пришествіе Сына человѣческаго, будущій судъ, области ада и рая католическіе богословы живописали такими яркими красками, какъ будто всѣ эти событія и мѣста они созерцали собственными глазами. И все они описывали по образу и подобию того, что представляетъ собою земля и ея жизнь. Они въ своихъ представленіяхъ матеріализовали духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, они блаженство святыхъ стремились представлять по образцу земного счастья, и мы видимъ, что католическое искусство изображало праведниковъ и праведницъ въ видѣ красивыхъ, здоровыхъ людей, отъ которыхъ вѣяло земнымъ благополучіемъ, но которые вовсе не направляли мысли къ небу. Вотъ, почему и «христіанская топографія» Козьмы встрѣтила сочувственный откликъ на западъ и усердно читалась католиками. Козьма крайне реально представляетъ себѣ то, что должно мыслиться духовно (полагаютъ, что его космографическія представленія

имѣють въ основѣ сирійскія воззрѣнія). Звѣзды у него приводятся въ движеніе ангелами (какъ и у папы Урбана). Надъ фирмаментомъ (твердію, небомъ) у него поднимался другой этажъ міра, на которомъ находятся избранные, а надъ этимъ этажомъ возвышается царство небесное, глава котораго Иисусъ Христосъ указываетъ въ него путь вѣрующимъ. Все въ описаніяхъ Козьмы просто, ясно и вещественно, и католики—эти релігіозные матеріалисты—должны были увлекаться его писаніями. Но вслѣдствіе этихъ же свойствъ въ Византіи не увлекались произведеніемъ Индикоплевста. Православные богословы всегда твердо помнили, что духовное нельзя представлять по образцу земного. Какъ въ византійскомъ искусствѣ не было реализма, и византійскія изображенія святыхъ говорятъ объ умерщвленіи плоти, побѣдѣ надъ земнымъ и тлѣннымъ и исключительной жизни духа, такъ и въ релігіозныхъ представленіяхъ восточныхъ богослововъ все матеріальное изгонялось и «духовное сразсуждалось духовно». Ортоланъ, излагая ученія церковныхъ писателей объ эсхатологическихъ вопросахъ, адѣ, раѣ и др., не хочетъ замѣтить, что великіе свѣточы востока—св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ—учили, что по этимъ вопросамъ нельзя сказать ничего вѣрнаго и что совершенно безразсудно въ отвѣтъ на нихъ давать точныя опредѣленія. Писатели запада не вняли этому предостереженію. На всѣ вопросы относительно предметовъ вѣры, которые вызываются празднымъ любопытствомъ, и рѣшеніе которыхъ нисколько не полезно для духовнаго развитія и усовершенствованія человѣка, они попытались дать самыя полныя и обстоятельныя отвѣты. Отвѣты эти были совершенно фантастическими. Позднѣйшіе богословы запада должны были отвергнуть ихъ, но замѣчательно, что, отвергнувъ отвѣты, они не перестали заниматься вопросами, вслѣдствіе этого стали появляться отвѣты новые. Таковыя предлагаетъ и Ортоланъ. На вопросъ о второмъ пришествіи онъ, мы видѣли, склоняется къ отвѣту, что земля можетъ погибнуть отъ паденія на нее массы метеоритовъ, и что конецъ земли не будетъ концомъ видимой вселенной. Онъ представляетъ себѣ, что праведники будутъ любоваться звѣзднымъ небомъ точно такъ же, какъ мы любимъ имъ теперь въ звѣздныя ночи. Онъ развиваетъ теорію восстано-

вленія тѣлъ, приче́мъ вопро́съ о взаимоотноше́ннн духа и тѣла готовъ рѣшнть такъ, что посредствующимъ началомъ между матеріею и душою является эфиръ (но эфиръ—матерія; что же такое душа?). Онъ сочувственно относится къ воззрѣніямъ Гратри, Шаботи и Делетра и, опровергая ихъ большія грезы, не говоритъ, что самыя ихъ попытки рѣшнть постановленныя ими эсхатологическія вопросы нелѣпы, а только ограничивается утвержденіемъ, что ихъ рѣшенія несостоятельны. Между тѣмъ, въ св. Писаніи онъ могъ бы найдти ясныя указанія, что всѣ попытки представить это отдаленное будущее будутъ безуспѣшными. «Возлюбленные!— говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, — мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1 Іоан. III, 2). Одному человѣку было отчасти открыто это будущее. «Знаю человѣка во Христв. говоритъ св. ап. Павелъ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли—не знаю, внѣ ли тѣла—не знаю; Богъ знаетъ) восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю—въ тѣлѣ или внѣ тѣла; Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя сказать» (2 Коринт. XII, 2—4). Такимъ образомъ видѣніе, которое созерцалъ св. Павелъ, не описуемо, и откровеніе, которое онъ получалъ, непередаваемо. Но если видѣвшій говоритъ, что на человѣческомъ языкѣ нельзя передать видѣннаго и слышаннаго, то какъ же не видѣвшіе хотятъ намъ нарисовать эту неопишуемую картину блаженнаго будущаго.

Наука въ этомъ дѣлѣ не можетъ оказать помощи. Мы думаемъ, что ея значеніе по отношенію къ вопросу о многочисленныхъ мірахъ и ихъ судьбѣ должно быть инымъ. Она не рѣшаетъ недоумѣній, но она устраняетъ возраженія, которыми противъ религиозныхъ представленій выставляли невѣрующіе мыслители. Прежде всего она показываетъ полную несостоятельность разсужденій о несовмѣстности ничтожества земли съ ея великимъ назначеніемъ. У Ортолана написано много прекрасныхъ страницъ о томъ, что признаніе ничтожности размѣровъ земли не можетъ нисколько колебать вѣру въ воплощеніе на землѣ Сына Божія. Но со своимъ реалистическимъ взглядомъ на вещи Ортоланъ опу-

скаеть изъ вида, что говорить глубокая наука о ничтоже-
ствѣ, неизмѣримости, вообще пространствѣ; въ своихъ сужде-
ніяхъ о размѣрѣ звѣздъ и разстояніяхъ между ними онъ
стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которая допускаеть реальность
пространства, размѣровъ и разстояній въ томъ видѣ, въ ка-
комъ они намъ представляются.

Но современная геометрія учитъ насъ, что наши разсужде-
нія о громадномъ, неизмѣримомъ имѣють субъективный ха-
рактеръ, что намъ и безконечно малое можетъ показаться
безконечно-большимъ и что вообще дѣйствительные размѣры
вещей намъ неизвѣстны. Постараемся по возможности проще
и короче изложить это ученіе. Въ геометріи Эвклида есть
теорія, имѣющая очень важное значеніе на практикѣ, это—
теорія подобныхъ фигуръ и тѣлъ. Двѣ фигуры или два
тѣла называются подобными, когда взаимоотношеніе элемен-
товъ въ одномъ изъ нихъ совершенно тождественно съ взаи-
моотношеніемъ соответствующихъ элементовъ въ другомъ.
Такъ, если мы представимъ себѣ одинъ треугольникъ, сто-
роны котораго равны 4, 5 и 6 аршинамъ и затѣмъ другой,
стороны котораго равны 8, 10, 12, то такіе треугольники
будутъ подобными, взаимоотношеніе элементовъ у нихъ бу-
детъ тождественнымъ ($4 : 5 = 8 : 10$; $5 : 6 = 10 : 12$).
Углы между равно взаимно-относящимися элементами бу-
дутъ равны (уголъ, заключенный въ одномъ треугольникѣ
между сторонами въ 4 и 5 аршинъ, будетъ равенъ углу
въ другомъ треугольникѣ, заключенномъ между сторонами
въ 8 и 10 аршинъ; вообще въ подобныхъ фигурахъ и тѣлахъ
углы, заключенные между взаимно-подобными элементами,
равны). Точно также, если мы представимъ себѣ два ци-
линдра, отношенія осей у которыхъ къ діаметрамъ основа-
ній равны ($3 : 7 = 6 : 14$), то такіе цилиндры тоже назы-
ваются подобными. На теоріи подобныхъ тѣлъ и фигуръ
основывается устройство моделей, снятіе плановъ и т. п.
Такъ, глобусъ есть модель земного шара. Если мы предста-
вимъ себѣ глобусъ, имѣющій 2 аршина въ діаметрѣ, и при-
помнимъ, что діаметръ земного шара равенъ 12 тысячъ вер-
стамъ (мы беремъ приблизительную цифру), то получимъ,
что всѣ обозначенія длины на нашемъ глобусѣ соответственно
меньше обозначиваемыхъ ими разстояній на земномъ шарѣ.
Въ 9 милліоновъ разъ, т. е. во столько же, во сколько,

2 паршина менѣе 12 тысячъ верстѣ. Въ подобныхъ тѣлахъ отношеніе поверхностей равно отношенію квадратовъ линейныхъ разстояній. Такъ, поверхность нашего глобуса будетъ не въ 9 милліоновъ разъ меньше поверхности земного шара, но въ 9 милліоновъ разъ въ квадратѣ ($9.000.000^2$). Таково будетъ отношеніе поверхности Европы на глобусѣ къ дѣйствительной Европѣ, таково будетъ отношеніе поверхностей острововъ, материковъ, озеръ и морей на глобусѣ къ соответствующимъ пространствамъ земли. Отношеніе объемовъ подобныхъ тѣлъ равно кубу отношенія ихъ линейныхъ разстояній. Такъ, нашъ глобусъ по объему окажется въ 9 милліоновъ разъ въ кубѣ меньше земного шара ($9.000.000^3$).

Теперь представимъ себѣ, что какое-нибудь существо съ сверхчеловѣческими силами и способностями, руководясь изложенною нами теоріею, захотѣло бы построить модель всего видимаго міра. Положимъ, модель настолько малую, что ее легко могла бы зажать рука ребенка. Положимъ, дадѣе, что наше воображаемое существо обладало бы способностями произвести подобныхъ намъ людей, животныхъ, произвести растенія, причѣмъ всѣ эти организмы жили бы жизнью совершенно тождественною съ нашей и отличались бы отъ насъ только своими микроскопическими размѣрами. Дѣйствія всѣхъ физическихъ законовъ въ нашемъ новомъ мірѣ должны быть аналогичными дѣйствию ихъ въ томъ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, измѣнились бы только законы объ абсолютныхъ (но не объ относительныхъ) разстояніяхъ. Такъ, лучъ солнца въ нашемъ новомъ мірѣ долженъ пробѣгать въ секунду 280 тысячъ верстѣ тамошнихъ, а не нашихъ, и свѣтовая волна тамъ должна быть во столько разъ меньше нашей, во сколько тамъ разстояніе между солнцемъ и землею меньше, чѣмъ у насъ. Теперь перенесемъ мысленно на эту воображаемую систему міра. Передъ нами человѣкъ съ той земли—земли настолько малой, что при помѣщеніи ея отъ насъ на разстояніи наилучшаго зрѣнія (12 дюймовъ) она не можетъ быть видима ни въ какіе микроскопы. Но мы и безъ микроскопа легко можемъ представить себѣ, какъ разсуждаетъ, чувствуетъ и оцѣниваетъ вещи проблематической человѣкъ нашего воображаемаго міра. Совершенно такъ же, какъ и мы. Его земля для него такъ же велика, какъ и для насъ наша; его солнце отъ него такъ же далеко, какъ и отъ насъ

наше. Онъ съ такою же гордостью, какъ и мы, говоритъ о величїи силъ человѣка, создавшаго желѣзныя дороги. Въ короткое время переносящїя путешественниковъ на громадныя разстоянїя, онъ гордится телескопомъ, при помощи котораго ему удалось наблюдать удивительныя явленїя на солнцѣ, гордится микроскопомъ, при помощи котораго открылъ удивительный мїръ микроорганизмовъ. Онъ такъ же, какъ и мы, говорилъ бы о безконечности пространства. Сдѣлаемъ еще одно предположенїе. Допустимъ, что какой-нибудь человѣкъ съ нашей земли незамѣтнымъ для него образомъ былъ бы перенесенъ на ту землю, при чемъ размѣры его соотвѣтственно бы уменьшились. Такъ какъ между тою землею и нашею мы предполагаемъ полное соотвѣтствїе, то допустимъ, что лицо, соотвѣтствующее нашему человѣку перенесенному туда, было бы перенесено оттуда на нашу землю. причемъ размѣры его увеличились бы соотвѣтствующимъ образомъ. Замѣтили ли бы наши лица происшедшія съ ними перемѣны? Нѣтъ, они этого не могли бы замѣтить: ихъ отношенїя къ окружающимъ ихъ предметамъ и лицамъ остались бы неизмѣнными. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ какое бы количество разъ не уменьшилась (или все равно и увеличилась) вселенная, мы этого бы не замѣтили, разъ отношенїя между предметами остались бы прежнїя. Если бы сейчасъ, вотъ въ это самое мгновенїе, вся вселенная свелась бы къ размѣрамъ одной точки, мы попрежнему бы удивлялись ея величїю и говорили бы о громадномъ разстоянїи между звѣздами. Протагоръ говорилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, и это выраженїе справедливо и въ геометрическомъ (измѣренїе разстоянїй) и въ физическомъ (измѣренїе силъ) смыслѣ. Между-звѣздныя пространства кажутся намъ громадными, потому что число, выражающее отношенїе нашей собственной величины къ этимъ пространствамъ, превышаетъ наше разумѣнїе. Совокупность силъ дѣйствующихъ въ мїрѣ оцѣнивается человѣкомъ также и по той же причинѣ. Но будучи мѣрою всѣхъ вещей, человѣкъ не имѣетъ мѣры для измѣренїя самого себя. Такимъ образомъ, онъ познаетъ лишь отношенїя между вещами, но не вещи. Онъ знаетъ, во сколько разъ разстоянїе между солнцемъ и землею меньше разстоянїя между солнцемъ и Нептуномъ. Онъ знаетъ, во сколько разъ солнце сильнѣе притя-

гиваетъ землю, чѣмъ земля солнце, но онъ не знаетъ дѣйствительныхъ размѣровъ ни одного предмета, не знаетъ дѣйствительной величины притягивающей или отталкивающей силы ни одного тѣла. Размышленіе приводитъ къ выводу, что изъ какого угодно малаго количества пространства, матеріи и силъ и вообще тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется существующее, можно построить міръ, который для существъ въ немъ живущихъ, будетъ казаться такимъ же, какимъ для насъ кажется нашъ. Этотъ выводъ подсказываетъ другой; что, можетъ быть, и наша вселенная въ сущности безконечно мала, и что только то обстоятельство, что мы сами представляемъ собою безконечно малую часть этого безконечно-малаго цѣлаго, заставляетъ насъ смотрѣть на вселенную, какъ на нѣчто безконечно большее.

Итакъ, мы не знаемъ, какова вселенная въ дѣйствительности, мы знаемъ только, что въ геометрическомъ и физическомъ отношеніяхъ она неизмѣримо больше насъ и нашей планеты. Мы не можемъ отсюда дѣлать никакихъ унизительныхъ выводовъ для нашей духовной природы, по крайней мѣрѣ, умные люди никогда не дѣлали ихъ. Когда Гамлету скорбно говорившему, что свѣтъ представляетъ собою тюрьму, льстивый придворный возразилъ: «можетъ быть, свѣтъ тѣснѣе для великой души вашей и потому кажется тюрьмою», онъ отвѣтилъ: «о Боже мой! моя великая душа помѣстилась бы въ орѣховой скорлупѣ, и я считалъ бы себя владыкою безпредѣльнаго пространства...» Значеніе духа вовсе не обуславливается размѣрами заключающаго его въ себѣ тѣла. Слонь больше человѣка и однако не умнѣе его. система Альпъ несравненно больше всѣхъ слоновъ міра и однако во всей ихъ каменной громадѣ скрыто менѣе жизни и разума, чѣмъ въ тѣлѣ послѣдняго дикаря. Говорятъ о ничтожествѣ земли по сравненію съ звѣздными мірами. пускай—земля ничтожна, но человѣкъ, живущій на землѣ, не ничтоженъ. Еще Паскаль говорилъ, что человѣкъ выше вселенной. Вселенная можетъ сокрушить человѣка, но ея стихійныя силы, уничтожая хрупкаго носителя разума, не будутъ сознавать, что онъ уничтожаютъ его, а человѣкъ будетъ сознавать, что его убиваетъ сила стихій. *La grandeur de l'homme est grande en ce qu'il se connait miserable. Un arbre ne se connait pas miserable.* Но не только дерево не

сознаеть своего ничтожества, его не сознаеть и солнце, между тѣмъ какъ и солнце есть только ничтожная песчинка по сравненію со всею системою млечнаго пути. У Вольтера въ одномъ изъ его произведеній два гигантскихъ представителя двухъ гигантскихъ міровъ ведутъ между собою разговоръ о назначеніи звѣздъ, въ разговоръ вмѣшалось маленькое животное въ черненькой шапочкѣ, заплутавшееся на мизинцѣ одного изъ собесѣдниковъ (собесѣдникъ прибыль съ земли), и сказало, что все создано для людей (къ которымъ принадлежало и это животное) и что объ этомъ можно узнать въ сокращенномъ изданіи сочиненій св. Фомы. Безъ сомнѣнія, если бы на другихъ мірахъ существовали чувственно-разумные обитатели, то отсюда бы слѣдовало, что физическая вселенная создана не для одного человечества. Но мы не знаемъ такихъ обитателей. Только, вопреки Вольтеру, мы можемъ рѣшительно утверждать, что на солнцѣ и Сиріусѣ ихъ нѣтъ, и что если существованіе солнца имѣеть какую-либо цѣль, то эта цѣль заключается не въ немъ самомъ, а скорѣе въ тѣхъ маленькихъ животныхъ, которыя живутъ на землѣ и надъ которыми такъ иронизировалъ фернейскій философъ.

Въ Божественномъ откровеніи мы находимъ прекрасное разъясненіе двоякаго отношенія человѣка къ вселенной. «Когда взираю я на небеса Твои,—дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ, говоритъ псалмопѣвецъ, то что есть человѣкъ, что Ты помнишь его, и Сынъ человеческій, что Ты посѣщаешь его». (Псал. VIII. 4—5)? Человѣкъ такъ малъ и ничтоженъ въ сравненіи со всею тѣмъ, что создано Всемогущимъ, что представляется непонятнымъ, почему Богъ проявляетъ о немъ особенное поначеніе. Но псалмопѣвецъ не оставляетъ поставленнаго имъ вопроса безотвѣтнымъ. Въ дальнѣйшихъ стихахъ своего псалма онъ даетъ этотъ отвѣтъ. «Немного Ты умалилъ его предъ ангелами: славою и честію увѣнчалъ его; и поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ; все положилъ подъ ноги его» (6—7)... Ничтожный физически, человѣкъ, созданный по образу Божію, великъ духовно, вслѣдствіе этого все то безмѣрное количество физической энергіи (по сравненію съ его физическими силами), которое заключаетъ въ себѣ вселенная, должно быть подчинено ему. Какъ совершится

это, мы не знаемъ, но, зная непреложность Божественныхъ обѣтованій, мы твердо вѣруемъ этому. Ученые, отрицающіе существованіе цѣлей въ природѣ, говорятъ, что если признать, что обитаема только земля, то тогда существованіе безчисленныхъ міровъ (нельзя сомнѣваться, что многіе міры никогда не будутъ усмотрѣны даже въ телескопъ) окажется совершенно безцѣльнымъ. Это разсужденіе дважды несостоятельно. Во 1) если вообще цѣлей нѣтъ, то нечего удивляться и безцѣльному существованію міровъ; во 2) существованіе этихъ міровъ можетъ имѣть и ближайшія и отдаленныя цѣли. О ближайшихъ цѣляхъ насъ ясно учитъ Писаніе «Егда (сотворены) быша звѣзды, говорилъ Самъ Богъ Іову, восхвалиша Мя гласомъ велиемъ вси ангели мои». (Іов. XXXVIII, 7) 1). Красота новосозданной вселенной вызвала ликованіе среди ангеловъ. Значитъ, созерцаніе ея служить источникомъ радости и для небожителей. Мы не знаемъ, какую она представляется имъ, но думаемъ, что она представляется иною и несравненно болѣе прекрасною, чѣмъ какою созерцаемъ ее мы. Вѣдь, мы видимъ только тѣни вещей, но не вещи, однако и насъ небо плѣняетъ своею чарующею красотою. На югѣ небо прекраснѣе, чѣмъ у насъ, вотъ почему у народовъ древности, жившихъ на югѣ, астрономическія представленія имѣли такое большое значеніе въ религіи и жизни.

«Нужно видѣть, говорить Вейсъ, въ прекрасную восточную ночь, какъ въ глубинахъ темноголубого неба сіяютъ звѣзды съ блескомъ неизвѣстнымъ въ Европѣ, нужно видѣть это, чтобы понять, почему восточный человѣкъ въ ихъ восходѣ и закатѣ признавалъ особенное дѣйствіе Божественнаго могущества. Въ блескѣ ихъ лучей, свѣтящихся изъ таинственной глубины, на него какъ бы смотрѣло Божество своими безчисленными очами, ихъ пламенное писаніе являлось для него вѣстью о Безконечномъ, темныя увѣщанія котораго онъ принималъ въ свое сердце. А когда онъ замѣчалъ, что жизнь и умираніе въ природѣ, весна и осень

1) Приводимъ этотъ текстъ по славянски (переводъ съ греческаго), такъ какъ въ русской Библии (переводъ съ еврейскаго) онъ имѣетъ иной смыслъ („кто положилъ краеугольный камень ея—земли, ст. 6,—при общемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда всѣ сыны Божіи восклицали отъ радости“, 7)?

находятся въ строгой связи съ движеніемъ извѣстныхъ свѣтилъ, то онъ еще убѣжденнѣе разсматривалъ ихъ, какъ могущественныя силы жизни ¹⁾). Но и человѣкъ востока и юга могъ видѣть на небѣ только то, что доступно взору человѣка. Для ангеловъ въ глубинахъ неба должно открываться то, о чемъ мы не можемъ и помыслить и чего не можемъ и представить. У св. Ефрема Сирина есть толкованіе словъ Спасителя: «въ домѣ Отца Моего обителей много» (Іоан. XIV, 2). Ортоланъ произвольно хочетъ видѣть въ этихъ словахъ указаніе на многочисленность обитаемыхъ міровъ и подѣ обителями готовъ разумѣть обитаемыя планеты. Св. Ефремъ относитъ эти слова и къ ангеламъ и къ праведникамъ, вообще ко всѣмъ, кому принадлежитъ участіе въ царствѣ славы, но его толкованіе несравненно болѣе глубоко, и изъ его толкованія мы, между прочимъ, можемъ понять, какъ должно быть различно впечатлѣніе, производимое вселенною на различныя созерцающія существа. «Многими обителями у Отца, говоритъ онъ, Спаситель называетъ мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ (царствѣ небесномъ), разумѣю же тѣ различія и разности, съ какими наслаждаются тамъ, сообразно съ своимъ разумѣніемъ. Ибо Господь наименовалъ многія обители не по разности мѣстъ, но по степени дарованія.

Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается всякій, по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ, какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущій вѣкъ всѣ праведные водворяются нераздѣльно, въ единой радости. Но каждый въ своей мѣрѣ озаряется единымъ мысленнымъ солнцемъ, и по степени достоинства почерпаетъ радость и веселіе, какъ бы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ. И никто не видитъ мѣры и высшаго и низшаго, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишеніе, не имѣть въ этомъ для себя причины къ скорби и безпокойству. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но всякій, по данной ему

¹⁾ Natur und Offenbarung. 1893. № 1. Wigand, Geschichte d. Naturwissenschaft.

благодати, въ своей мѣрѣ веселится внутренно, а по внѣшности у всѣхъ одно созерцаніе и одна радость ¹⁾». Слѣдуя толкованію св. Ефрема, мы должны предположить, что и различными чинамъ ангельскимъ въ различной мѣрѣ открывалась красота міровой сущности и назначеніе отдѣльных міровъ.

Но, безъ сомнѣнія, всѣ они въ нѣкоторой мѣрѣ прозрѣваютъ, въ чемъ заключается это назначеніе. Мы не знаемъ этого относительно многихъ міровъ, но мы вѣруемъ, что ихъ бытіе не останется безцѣльнымъ. Нашъ разумъ не можетъ допустить, чтобы высшій Разумъ произвелъ что-нибудь напрасное. Необитаемые и невѣдомые міры, можетъ быть, представляютъ собою матеріалъ, который по исполненіи времени окажется нужнымъ. Библия и Церковь учатъ насъ о воскресеніи тѣлъ. Значитъ, физическая природа будетъ существовать и въ будущемъ вѣкѣ. Она будетъ преобразована и, безъ сомнѣнія, праведники будутъ владычествовать надъ ней безраздѣльно. Это владычество будетъ благимъ и вещество и силы міровъ оно будетъ направлять ко благу. Мы не знаемъ, какъ это будетъ, мы не можемъ представить этого, но присущая нашему духу вѣра въ цѣлесообразность существующаго заставляегь насъ вѣрить этому.

Эту вѣру въ цѣлесообразность доселѣ еще не поколебаль ни одинъ фактъ. Только опытъ научилъ насъ, что мы въ рѣдкихъ случаяхъ можемъ разгадывать цѣли природы, эти цѣли иногда бываютъ столь отдаленными, что усмотрѣть ихъ совершенно не въ состояніи человѣческое зрѣніе. Перенесемъ мысленно въ отдаленное геологическое прошлое нашей планеты, положимъ, въ каменноугольную эпоху. Людей, млекопитающихъ, птицъ тогда еще не существовало на землѣ. Но положимъ, что гдѣ-нибудь, на какихъ-нибудь мірахъ жили существа подобныя людямъ, обладавшія разумомъ и ставившія себѣ вопросы о причинѣ и цѣли явленій. Положимъ, что какой-нибудь представитель такихъ существъ оказался случайно на нашей землѣ. Безъ сомнѣнія, ландшафтъ, развернувшійся предъ нимъ, онъ нашель бы унылымъ и однообразнымъ. Каламиты, сигилляріи, микоподіевыя, лепидодендроны—растенія подобныя нашимъ

¹⁾ Творенія св. Ефрема Сирина. Изданіе четвертое. 1897 года. Часть третья. 67? О блаженныхъ обитателяхъ.

хвоицамъ, плаунамъ, только гигантскихъ размѣровъ, древо-видныя папоротники, хвойныя и саговыя, вотъ все, что бы онъ встрѣтилъ. Очень естественно, что нашему предполагаемому посѣтителю земли пришли бы въ голову слѣдующія соображенія: зачѣмъ, для чего растутъ эти унылыя чешуйчатыя и звѣздчатыя растенія? Если даже допустить, что въ нихъ есть своеобразная красота, то этою красотою никто не наслаждается и не будетъ наслаждаться; пользы они никому не приносятъ, они даже не могутъ служить пищею для тѣхъ организмовъ, которые населяютъ землю. Несомнѣнно, что природа производитъ много безцѣльнаго, она произвела ихъ, и она ихъ уничтожитъ, никому они не были полезны и никому не принесетъ пользы ихъ смерть. Разсуждая такъ, нашъ мыслитель впалъ бы въ глубокое заблужденіе. Это—по его мнѣнію—безполезныя деревья природа въ послѣдствіи превратила въ каменный уголь, который такъ нуженъ современному человѣчеству. Но и въ этомъ ихъ еще не главное значеніе. Въ филогенетическомъ процессѣ міровой жизни они были необходимыми посредствующими звеньями между низшими растительными формами девонской и силлурійской эпохъ и разнообразными высшими видами растеній, которыя даны въ обладаніе человѣку. Въ ту отдаленную эпоху они уже таили въ себѣ потенцію высшихъ формъ жизни, которыя явились потомъ, какъ ихъ отдаленнѣйшее потомство, черезъ безчисленное количество поколѣній. Господь ведетъ міръ къ совершенствованію, но пути, которыми Онъ ведетъ, въ большей части случаевъ остаются загадочными и непонятными для человѣка. «Непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его» (Римл. XI, 33)!

Людей, настаивающихъ на ничтожествѣ земли и, слѣдовательно, своемъ собственномъ, сильно смущаютъ отдаленныя по времени цѣли точно такъ же, какъ и міры отдаленныя по пространству. Зачѣмъ Богъ достигаетъ намѣченныхъ цѣлей въ теченіе долгихъ вѣковъ, а не мгновенно, зачѣмъ міры, если не навсегда, то въ теченіе тысячелѣтій остаются никому ненужными и безполезными? Но кто имъ сказалъ, что эти міры не нужны и безполезны? Можетъ быть, они нужны для устойчивости нашей системы, можетъ быть, для чего-нибудь другого. Затѣмъ эта рѣчь о тысячелѣтіяхъ такъ же наивна, какъ и рѣчь о громадныхъ пространствахъ. «У.

Господа одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день» (2 Петр. III, 8 ср. Псал. LXXXIX, 5). Что такое время и его продолжительность? Не можетъ ли намъ безконечно-малое время показаться безмѣрно громаднымъ, какъ это, мы видѣли, можетъ случиться съ безконечно-малымъ пространствомъ? Для измѣренія времени, какъ и для измѣренія протяженія, мы не имѣемъ объективной единицы. Продолжительность протекшаго времени мы измѣраемъ количествомъ перемѣнъ протекшихъ въ это время. Единицею времени мы считаемъ періодъ обращенія земли вокругъ своей оси, двадцать четвертую часть этого періода мы называемъ часомъ. Но представимъ себѣ, что земля стала бы вращаться вокругъ своей оси въ миллионъ разъ быстрѣе, въ миллионъ разъ быстрѣе понеслась бы она по своей орбитѣ вокругъ солнца, соответствующимъ образомъ измѣнилось бы ускореніе, сообщаемое тѣламъ силою тяжести, въ миллионъ разъ быстрѣе стали бы совершаться въ насъ физиологическіе и психологическіе процессы. Замѣтили ли бы мы происшедшее ускореніе? Нѣтъ, тысячелѣтія, которыя тогда въ дѣйствительности были бы менѣе продолжительны, чѣмъ $\frac{1}{2}$ нашихъ сутокъ, казались бы намъ по прежнему громаднымъ количествомъ времени. Можно допустить ускореніе и большее, чѣмъ въ миллионъ разъ, и тогда получится выводъ, что всю многовѣковую исторію міра, совершавшуюся въ безконечныхъ междузвѣздныхъ пространствахъ, можно представить протекшею въ теченіе секунды времени въ районѣ, имѣющемъ радіусъ въ одинъ миллиметръ. Эти размѣры можно сокращать до безконечности, и однако исторія міра будетъ оставаться тою же, какою мы ее знаемъ—безконечно сложною и безконечно чреватую событіями.

Время, пространство, матерія, мы не знаемъ, что они представляютъ собою въ своей сущности, но мы знаемъ только одинъ родъ разумныхъ существъ, живущихъ въ условіяхъ пространства и времени, облеченныхъ въ матерію. Эти существа—люди. Если кажущуюся дѣйствительность считать дѣйствительностію истинною и если принять, что во всей вселенной обитаема только земля, то получится впечатлѣніе, что вселенная есть безконечно-громадная пустыня, въ безконечно-маломъ уголкѣ которой затерялось нѣсколько ни-

чтожныхъ живыхъ существъ. Но если отрѣшиться отъ этого наивнаго міропониманія, если принять, — а принять это необходимо. — что на какой-то органъ нашего духа накинута повязка, скрывающая отъ его созерцанія дѣйствительный видъ вещей, тогда эта громадность міра не должна смущать насъ. Представимъ себѣ шаръ изолированный въ пространствѣ, имѣющій верстъ 10 въ діаметрѣ, поверхность его приблизительно будетъ равна 1256 квадратнымъ верстамъ ($4\pi R = 4 \cdot 3,14 \cdot 10^2 = 1256$). представимъ себѣ, что какой-нибудь слѣпецъ, помѣщенный на этомъ шарѣ, сталъ бы изслѣдовать его поверхность; двигаясь по линіи большаго круга (какъ ходимъ и мы по землѣ) и совершая въ день по 30 верстъ, онъ чрезъ двое сутокъ вернулся бы къ своему исходному пункту; но онъ не догадался бы объ этомъ и могъ бы вѣчно кружиться по кругу, имѣющему 62,8 верстъ длины ($2\pi R = 2 \cdot 3,14 \cdot 10 = 62,8$ в), предполагая, что движется въ безконечность. Если бы онъ сталъ изслѣдовать шаръ въ различныхъ направленіяхъ, то пришелъ бы къ заключенію, что онъ находится на нѣкоторой плоскости, тянущейся по всемъ направленіямъ въ безконечность. Не происходитъ ли нѣчто подобное и съ нами? Не кажется ли намъ вселенная такую громадную и въ сравненіи съ нею мы такими ничтожными только вслѣдствіе того, что наши духовные глаза неоткрыты? Новая, неевклидова геометрія намекаетъ намъ на это.

Ортоланъ говоритъ, что его сердце хочетъ, чтобы эти міры, свѣтящіяся надъ нами, были обитаемы, чтобы и на нихъ жили разумно-нравственныя существа, чтобы между ними и нами была духовная связь. Но развѣ наше сердце не находитъ уже отрады и успокоенія въ мысли о существованіи безчисленнаго міра духовъ. Развѣ вѣра въ ангеловъ хранителей, постоянно пребывающихъ близъ насъ и охраняющихъ насъ на всѣхъ нашихъ путяхъ, не говоритъ гораздо болѣе нашему сердцу, чѣмъ предположеніе о существованіи жителей на Марсѣ, проводящихъ каналы на своихъ материкахъ. Наше сердце ищетъ жизни, разума и любви, и Писаніе учитъ насъ о полнотѣ жизни небожителей на небѣ.

У человѣка есть стремленіе къ безконечному, но не къ фиктивно-безконечному пространству или міру, а къ дѣйствительно безконечному — Богу, и безконечный Богъ сошелъ

на землю и приобщился человечеству и земной природѣ. Разсужденія о томъ, что Богъ не могъ воплотиться на землѣ, потому что она слишкомъ ничтожна, представляютъ собою слишкомъ плохую философію. Мы видѣли уже, что самое разсужденіе о ничтожности земли основано на плохомъ знаніи природы. Теперь обратимъ вниманіе на другое. Современная наука раскрыла намъ, что физическая и химическая природа всей вселенной совершенно тождественна съ земною, и уже давно мы знаемъ, что вся матерія вселенной связана связью притяженія, что свойства каждаго атома обуславливаются не его собственной природой, но воздѣйствіемъ на него всей матеріи вселенной. Отсюда соединеніе какой бы то ни было малой части матеріи съ высшимъ началомъ есть соединеніе съ этимъ началомъ всей матеріи и имѣетъ своимъ слѣдствіемъ преобразование всего матеріальнаго міра. Когда Господь Богъ вдунулъ въ перваго человѣка «дыханіе жизни; и сталъ человѣкъ душою живою» (Быт. II, 7), вся матерія вселенной приобщилась къ новому началу, и въ исторіи міра начался новый періодъ. Онъ продолжался до того времени, когда Самъ Богъ сошелъ на землю и соединилъ съ Своимъ Божествомъ физическую и духовную природу человѣка. Съ этого времени у человѣка явились всѣ средства, чтобы возстановить въ себѣ поврежденный образъ Божій, чтобы преобразовать и усовершенять свою духовную природу. Когда процессъ возрожденія и усовершенія достигнетъ конца, тогда и физическая природа должна будетъ преобразоваться, чтобы стать достойнымъ жилищемъ праведныхъ сыновъ Божіихъ.

«Тогда придетъ конецъ» (Мѡ. XXIV, 14). Ортоланъ высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, преобразование земли и воскресеніе тѣлъ произойдетъ уже много спустя послѣ того, какъ послѣдній человѣкъ испуститъ послѣднее дыханіе на землѣ. Онъ предполагаетъ, что земля можетъ быть въ теченіе вѣковъ будетъ носиться по пространству въ видѣ унылаго оледенѣвшаго кладбища. Но противъ этого предположенія, повидимому, рѣшительно направляются слова св. Павла: «не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ, во мгновеніе ока при послѣдней трубѣ: ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся; ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смерт-

ному сему—облечься въ безсмертіе». (1 Коринѣ. XV, 51—53). Тоже самое свят. апостолъ говоритъ въ посланіи къ Фессалоникійцамъ (1 Фессал. IV, 16—17). Правда, слова св. Павла не могутъ быть понимаемы буквально во всемъ ихъ объемѣ.

Въ выраженіяхъ «мы измѣнимся» или «мы, оставшіеся въ живыхъ» восхищены будемъ на облакахъ»... или въ понятіе «мы» не должно заключать употреблявшаго его св. Павла или подѣ «живыми» должно разумѣть не пребывающихъ на землѣ во плоти, а можетъ быть живыхъ духомъ. Но если даже по отношенію къ приведеннымъ стихамъ принять послѣднее толкованіе, то вообще и рѣчи св. Павла, и рѣчи Господа утверждаютъ въ той мысли, что конецъ міра наступитъ раньше конца человѣчества. Ортоланъ не касается этихъ мѣстъ Писанія, онъ высказываетъ свое предположеніе, не опираясь ни на какія данныя.

За то онъ обнаруживаетъ упорное желаніе обосновать другое свое предположеніе,—что конецъ и обновленіе земли не будетъ концомъ и преобразованиемъ всей вселенной. Но онъ не могъ найти никакихъ аргументовъ для подтвержденія этого тезиса кромѣ того, что его уже высказывали нѣкоторые церковные писатели, и что, можетъ быть, звѣзды сохранятся для того, чтобы созерцаніе ихъ доставляло наслажденіе праведникамъ. Мы безусловно отрицаемъ это предположеніе Ортолана. Наука и вѣра, по нашему мнѣнію, одинаково идутъ противъ него. Наука говоритъ намъ, что звѣзды не сохраняются. Процессъ міровой жизни обуславливается неравенствомъ движеній различныхъ тѣлъ или—что въ сущности тоже—неравенствомъ ихъ температуръ. Движенія и температуры стремятся стать равными. Нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы препятствовало осуществленію этого стремленія. Если и происходятъ постоянно нарушенія равновѣсія температуръ и равенства движеній, то они всегда обуславливаются тѣмъ, что въ иныхъ мѣстахъ совершается уравниеніе температуръ и движеній въ гораздо большемъ количествѣ. Вселенная, и, слѣдовательно, и звѣздная система, стремится къ нѣкоторому предѣльному состоянію, котораго когда она достигнетъ, то не будетъ уже ни солнць, ни планеты, ни темноголубого неба.

Уча о концѣ вселенной, наука вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ такое ученіе о физической природѣ міра, которое при

сопоставленіи его съ ученіемъ нашей вѣры о будущей судьбѣ земли необходимо ведетъ къ выводу, что вмѣстѣ съ землею должно произойти преобразование всей вселенной. Физическая природа всего міра тождественна. Впослѣдствіи земля должна подвергнуться рѣшительному преобразованію: тлѣнное должно облечься въ нетлѣніе, сила притяженія не будетъ препятствовать нашимъ тѣламъ подниматься на воздухъ, самая природа тѣлъ измѣнится (преображеніе Господне, Мѡ. XVII, 2; Мрк. IX, 3; Лук. IX, 29). Этотъ мѣстный переходъ вещества въ совершенно новое состояніе мы можемъ мыслить возможнымъ, лишь предполагая, что и все остальное вещество вселенной перейдетъ въ это состояніе. Иначе невозможно представить себѣ положеніе новой земли въ системѣ стараго міра. Но этого стараго міра и не будетъ.

Апостоль ждетъ не только *новой земли*, но и *новаго неба*. (2 Петр. III, 13). Ортоланъ и другіе сравниваютъ будущее очищеніе земли огнемъ съ прошедшимъ очищеніемъ ея водою и ссылаются на св. Петра, у котораго находится это сравненіе. Но въ прошедшемъ было не преобразование, а наказаніе міра, и св. Петръ совершенно ясно и рѣшительно устраняетъ мысль, что будущій пожаръ будетъ подобенъ прошедшему потопу. Въ будущемъ «небеса съ шумомъ пройдутъ, стихіи же разгорѣвшись разрушатся, земля и все дѣла на ней сгорятъ». (2 Петр. III, 10).

Ортоланъ слишкомъ вещественно и по земному представляетъ себѣ будущую жизнь праведниковъ. Тоже небо и тотъ же міръ и въ сущности та же земля измѣненная (можетъ быть только немного) огнемъ. Но нельзя допустить подобнаго представленія. Праведниковъ ожидаетъ блаженство, а въ этомъ мірѣ блаженство невозможно. Если преобразование не коснется міровъ неба и если эти міры обитаемы, то значить тлѣніе и смерть будутъ существовать и въ будущемъ вѣкѣ. Но если бы даже тлѣніе и смерть и вообще страданія исчезли, то и тогда земное благополучіе не могло бы удовлетворить людей. Этотъ міръ скрываетъ отъ насъ и дѣйствительную сущность вещей и послѣднюю цѣль бытія. Мы жаждемъ откровенія тайнъ и лучшимъ людямъ онѣ откроются, когда въ послѣдній день земля и небо сбросятъ съ себя окутывающіе ихъ покровы и явятся обновленными и свѣтоносными для прославленныхъ сыновъ земли.

Великій Платонъ предчувствовалъ это будущее созерцаніе божественной славы и красоты избранными сынами человечества. Въ его діалогѣ «пиръ» Диотема, чужестранка изъ Мантиней, наставивъ Сократа, что есть красота абсолютная, не заключающая въ себѣ ничего чувственного и тѣлеснаго, красота сама въ себѣ, отъ которой происходитъ все прекрасное, причемъ возникновеніе и уничтоженіе всѣхъ новыхъ видовъ прекраснаго не увеличиваетъ, не уменьшаетъ и ни въ чемъ не измѣняетъ ее, наставивъ Сократа въ этомъ, говорить ему: «только созерцаніе абсолютной красоты сообщаетъ цѣну жизни человѣка... Что мы должны предполагать о томъ смертномъ, который получилъ бы въ удѣлъ созерцаніе чистой, простой и непримѣсной красоты, не облеченной въ человѣческія тѣло и краски, не имѣющей въ себѣ ничего измѣнчиваго и исчезающаго, божественной, однородной и абсолютной? Думаешь ли ты, что человѣкъ, созерцающій такую красоту и улаждающійся ея созерцаніемъ, будетъ несчастливъ? Не представляется ли, напротивъ, тебѣ, что такой человѣкъ—единственный на землѣ, воспринимающій прекрасное органомъ, которому доступно это прекрасное — можетъ рождать не образы (*εἰδωλα*) добродѣтели, такъ какъ онъ воспринимаетъ не образы, но истинную добродѣтель, такъ какъ онъ приобщился къ самой истинѣ? Производящій же и питающій истинную добродѣтель долженъ быть любимымъ Богомъ и, если кто, то конечно, онъ долженъ быть безсмертнымъ»¹⁾).

То, что смутно предчувствовалъ Платонъ, ясно обѣщано вѣрующему человечеству. Праведники будутъ созерцать славу и красоту Божію. Для того, чтобы приобрѣсти духовное зрѣніе способное къ этому созерцанію, нужно воспитать и усовершенствовать свой духъ. Богословіе учить, какъ должно происходить это воспитаніе, но и астрономія не должна оставаться и не оставалась безучастною къ этому великому дѣлу. «Есть двѣ вещи, сказалъ Кантъ, которыя наполняютъ душу все новымъ, возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и дольше занимается ими умъ: звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ въ насъ».

Кантъ былъ рационалистомъ, но въ этихъ его словахъ слы-

¹⁾ Platonis opera. Tomus VII. Symposion. p.p. 264—255. Lipsiae. 1819.

шится мистическій отгѣнокъ. Небо, видно, воздѣйствовало на душу кенигсбергскаго философа и наполняло ее сладкимъ трепетомъ и смутнымъ ощущеніемъ безконечнаго. Житель Кенигсберга, Кантъ никогда не видалъ ни разгнѣваннаго океана, ни непоколебимыхъ снѣжныхъ горныхъ цѣпей, ни нѣжно-прекрасной растительности южной Европы. Но этими словами онъ показалъ, что самое прекрасное въ природѣ открыто всему человѣчеству. Закономѣрность, гармонія, красота и безконечность звѣзднаго міра вѣщаетъ намъ тайну безконечнаго. Не мысль о марсіанахъ и селенитахъ наполняетъ умиленіемъ наше сердце, а мысль о безконечномъ творцѣ и властителѣ этой поэтической безконечности. И въ поискахъ за словами для выраженія чувствъ вызываемыхъ небомъ мысль естественнѣе всего обращаться къ псалмамъ, къ Библии. Библия лучше всѣхъ книгъ міра показала человѣку эстетическую сторону вселенной, и лучше всѣхъ книгъ міра она открыла этическую правду. Остается вопросъ о теоретической истинѣ. Я думаю, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ приближается къ истинѣ, онъ приближается къ пониманію Библии. Если обратиться къ исторіи астрономіи и посмотрѣть, какія гипотезы отбрасывались въ ней на пространство вѣковъ, какъ ошибочныя, то можно увидѣть, что эти гипотезы противорѣчили и буквѣ Библии и, главнымъ образомъ, ея основному положенію, что Творецъ всемогущъ и премудръ. И въ настоящее время тайны неба остаются тайнами, но что небесныя свѣтила водятся премудрою рукою, это уже не тайна. Явленія неба представляютъ намъ сочетаніе красоты и разума, красоту чувствуетъ всякій, о разумности небесныхъ явленій можетъ много сказать каждый порядочный школьникъ. Вслѣдъ за школьникомъ несравненно больше скажетъ ученый. И наука повторяетъ слова псалмопѣвца: «небеса повѣдаютъ славу Божию».

С. Глаголевъ.